

ВСТРЕЧИ С В. И. ЛЕНИНЫМ НАКАНУНЕ И В ДНИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М. М. Эссен

С Владимиром Ильичем Лениным я встретила в Женеве сравнительно незадолго до первой русской революции. В далекую Якутию, где я до того отбывала ссылку, стали приходиться номера газеты «Искра», всколыхнувшие всю нашу жизнь. Сидеть годы в ссылке, пассивно выжидать ее конца стало невыносимо. Захотелось немедленно включиться в работу искровских организаций. Все заговорили о побегах, заторопились в путь. Мне удалось бежать из ссылки, и после ряда мытарств в 1902 г. я очутилась в Женеве.

Я видела тогда с Владимиром Ильичем много раз. Беседы с ним помогли разобраться во всем плане работы «Искры», выяснить детально ее задачи и цели. Основная задача, которую выдвигал Ленин, заключалась в создании на местах искровских организаций, установлении прочных связей с рабочими, создании на предприятиях искровских ячеек. Ленин говорил о необходимости привлекать рабочих к непосредственной руководящей работе и вводить их в партийные комитеты. Беседы с Лениным для нас, рядовых членов партии, были настоящей марксистской школой. Ленин учил нас, как надо сочетать революционную теорию с революционной практикой. Все это мы как будто знали и раньше, но в беседах с Лениным все наши представления наполнились новым, живым содержанием.

Ленин считал неправильной практику некоторых комитетов, которые продолжали замыкать партийную работу в ограниченные рамки пропагандистских кружков. Он говорил, что необходимо шире организовать политические забастовки и демонстрации, приучать рабочих к открытым выступлениям. Демонстрации в связи с Первым мая и по другим поводам стали устраиваться на центральных улицах больших городов; рабочие получали боевое крещение при стычках с полицией и жандармерией, учились открыто отстаивать свои требования, выходили на улицу с красными знаменами, революционными лозунгами, пением революционных песен.

Меня всегда поражало, с каким доверием и вниманием Ленин слушал своих собеседников. Он умел, как никто, воодушевить, ободрить товарища, поднять в нем энергию, зажечь энтузиазмом. Встретившись с Владимиром Ильичем, человек с удесyтеренной энергией приступал к работе, у него словно вырастали крылья. Ленин никогда не давал чувствовать своего превосходства, не подавлял своим авторитетом. Он считался с мнением других, видел в каждом товарище равного себе. Оттого так легко было с ним, так радостно и свободно дышалось около него. Ленин умел внимательно выслушать собеседника, втянуть его в спор, заставить высказаться до конца и если видел, что собеседник не сводит концы с концами, путается, то добродушно посмеиваясь над спорщиком, направлял его на правильный путь, не задевая его самолюбия, не обескураживая.

Владимир Ильич никогда не спрашивал, что вы читали, как усвоили прочитанное, а просто беседовал с вами по поводу отдельных вопросов и сразу видел пробелы и слабые места, причем и собеседнику станови-

лось ясно, над чем надо ему поработать. В присутствии Ленина мысль обострялась, хотелось больше знать, думать, читать, учиться и, главное, работать.

Никакого оратора не слушали так, как Ленина. Впервые я увидела его на трибуне в 1904 г. в Женеве, когда он делал доклад о Парижской Коммуне. Ленин на трибуне преображался. Какой-то весь ладный, подобранный, точно сделанный из одного куска. Вся сила сосредоточена в голосе, в сверкающих глазах, в чеканной, стальной фразе.

Мне приводилось тогда слышать очень крупных ораторов, но многие из них производили впечатление актеров, которые говорят точно для того, чтобы поразить, произвести впечатление, блеснуть яркой фразой, остроумной шуткой, умеют использовать силу и гибкость голоса, плавный жест, красивую позу.

Ленин был оратором совершенно иного стиля. В его речах нет как будто никакого внешнего блеска, они просты и ясны, но, слушая Ленина, забываешь обо всем. Он овладевал аудиторией всецело, его слушали, затаив дыхание, он раскрывал твои самые сокровенные мысли, призывал к действию и вызывал желание действовать.

Ленин говорил о Коммуне, и мы ощутили ее могучее дыхание, ее пафос, ее трагедию, ее мировое значение. Парижская Коммуна встала перед нами как сверкающая заря новой жизни, как первая попытка рабочего класса взять власть в свои руки. Мы увидели осажденный Париж, трудность и предательство господствующих классов, продажное правительство, сбегавшее в Версаль и предавшее родину; мы увидели героический рабочий класс, взявший на себя защиту отечества и построение государства на новых началах. Ленин показал все трудности выполнения этих задач, вскрыл противоречия, ошибки Коммуны, рассказал о ее гибели и в то же время сумел дать понять, что гибель Коммуны не была неизбежна, что парижский пролетариат мог победить.

Я до сих пор помню и эту речь и тот энтузиазм, какой она вызвала. Из речи Ленина, такой вдохновенной и огненной, стало ясно, что Парижская Коммуна не только героический эпизод истории, показывающий силу и мощь рабочего класса, но и героический пример для нас. С собрания возвращались небольшой компанией, все были радостно возбуждены. Я спросила Ленина: «Неужели мы доживем до того времени, когда Коммуна снова встанет в порядок дня?». Ленин встрепенулся. «А вы сделали такой вывод из моего доклада?!» — с радостью спросил он. «Да, и не я одна, а все, кто слушал вас сегодня».

Вспоминаются вечера, которые мы проводили у Ленина. Владимир Ильич обладал довольно приятным, несколько глуховатым голосом и очень любил петь в хоре и слушать пение. Репертуар наш был довольно разнообразен. Начинали обычно с революционных песен: «Интернационала», «Марсельезы», «Варшавянки». С большим чувством пели «Замучен тяжелой неволей», «На старом кургане в широкой степи». Нравились Владимиру Ильичу песни Сибири: «Ревела буря», «Славное море, священный Байкал» — и песнь о Степане Разине «Есть на Волге утес». Очень нравился Владимиру Ильичу куплет, который М. С. Ольминский добавил к «Дубинушке»:

Новых песен я жду для родной стороны,
Но без горестных слез, без рыданий,
Чтоб они, пролетарского гнева полны,
Зазвучали призывом к восстанью...

Спев любимые революционные песни, приступали к слушанию сольных номеров. Замечательно пел С. И. Гусев. У него был большой, сочный

голос, и пел он, не жалея сил. Ленин слушал с огромным удовольствием и романсы Чайковского «Ночь», «Среди шумного бала», «Мы сидели с тобой у заснувшей реки», и песнь Даргомыжского «Нас венчали не в церкви», и арии тореадора из «Кармен». Каким отдыхом, каким удовольствием были для Владимира Ильича наши песни! Под конец пели мы тягучие волжские песни и разные частушки. Иногда и в пляс пускались.

Нередко на этих вечерах декламировали стихи Некрасова, Гейне, Беранже. Владимир Ильич знал много стихов Некрасова. Часто на прогулках или сидя за вечерним чаем, Владимир Ильич любил поговорить о литературе, о любимых своих писателях — Щедрине, Некрасове, Чернышевском, особенно о последнем. Чернышевского Ленин считал не только великим ученым, передовым мыслителем, но и крупным художником, создавшим замечательные образы настоящих революционеров, мужественных, бесстрашных борцов типа Рахметова. Он говорил: «Вот это настоящая литература, которая учит, ведет, вдохновляет! Я роман «Что делать?» перечитал за одно лето раз пять, находя каждый раз в этом произведении все новые волнующие мысли».

Идейную направленность в художественных произведениях Ленин ставил выше всего, и потому он так ценил и любил Некрасова. Как-то он спросил меня, знаю ли я наизусть поэму «Русские женщины». Я ответила, что знаю, но никогда не могу прочитать ее вслух: душат слезы. «Вот в этом и сила художника, берет за живое», — сказал Ленин.

Иногда после музыкальных вечеров шли провожать гостей и возвращались домой притихшие, усталые и немного грустные. Будоражили что-то в душе эти песни! Говорить не хотелось, каждый думал о своем. Владимир Ильич заканчивал тогда книгу «Шаг вперед, два шага назад» и обычно присаживался к рабочему столу на часок, что-то дописывая и исправляя. Надежда Константиновна ложилась спать, а мы с ее матерью Елизаветой Васильевной усаживались на скамеечке в садике и шепотком беседовали, чтобы не мешать Владимиру Ильичу (я тогда жила в семье Ленина). Иногда он спускался к нам на минутку перемолвиться парой слов, а то, посмеявшись над нашей неугомонностью, зашумит, чтобы ложиться спать.

Владимир Ильич с исключительной теплотой относился к своим родным. Я хорошо знала семью Ульяновых. Что это была за изумительная семья! Связанная огромной любовью друг к другу, подчинившая свою жизнь, свои интересы делу партии, делу революции, это была настоящая семья, какой она нам, революционерам, рисовалась в далеком будущем. Надо воскресить в памяти письма Ленина к родным, чтобы почувствовать, как велика была любовь Ленина к матери, сестрам, брату, сколько забот, внимания он уделял им.

Мать Ульяновых, Марию Александровну, все мы полюбили с первой встречи. До сих пор стоит перед глазами ее милое, ясное лицо с такими молодыми, блестящими, бесконечно добрыми глазами, ее очаровательная улыбка. Забота о людях проявлялась в Марии Александровне и всей семье Ульяновых с исключительной силой. Сколько горя пало на плечи этой женщины, и с каким мужеством она его переносила! Она никогда не жаловалась, никогда не говорила о том, что ей трудно. Владимир Ильич понимал, как тяжело переживала она казнь сына Александра и смерть дочери Ольги, как страдала от постоянных арестов своих детей. Мария Александровна жила интересами своих детей не только в обычном житейском смысле, она была их товарищем и другом и мужественно несла все тяготы.

Вторично я приехала в Женеву вскоре после ареста трех членов семьи Ульяновых: Анны Ильиничны, Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича. Ленин подробно расспрашивал о матери; много сдержанного горя и скорби было в его глазах, когда он говорил о ее одиночестве и беспокойстве. Анна Ильинична не раз вспоминала, что Владимир Ильич настаивал, что-

бы кто-нибудь был постоянно при матери, и эта роль падала обычно на нее. Перед отъездом из Киева я забегала несколько раз к Марии Александровне. Она вся отдалась заботам о том, чтобы облегчить тюремную жизнь своих детей, и целыми днями простаивала у ворот Лукьяновской тюрьмы с передачами для них. Невозможно было забыть ее измученного лица, усталого вида, когда она возвращалась из тюрьмы.

Слаженность жизни, сходство вкусов Владимира Ильича и Надежды Константиновны были исключительными. Меня вначале изумила их обстановка. В то время как в Женеве все жили на европейский лад, в хороших комнатах, так как последние в Женеве были сравнительно дешевы, Ленин жил в доме, напоминавшем дом русского заштатного города. Внизу помещалась кухня, она же и столовая, очень чистая и опрятная, но почти лишенная мебели, сбоку находилась небольшая комната, где жила мать Надежды Константиновны, наверху — спальня с двумя простыми узкими кроватями и рабочая комната Ильича с несколькими стульями, книжными полками и большим столом, заваленным книгами и газетами. Мне вначале показалась серой эта обстановка, но, побывав там раз—другой, не хотелось уходить — так просто и уютно было в этих комнатах. Эта простота особенно хорошо действовала на приезжавших из России рабочих. У Ленина все чувствовалось себя, как дома.

Владимир Ильич обычно работал дома или уходил в библиотеку. Надежда Константиновна разбирала корреспонденцию или шифровала письма, ее мать возилась с несложным хозяйством, которое все же требовало забот и труда. Вспоминая сейчас эту прекрасную женщину, понимаешь, как много облегчения и уюта внесла она в жизнь Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Она не расставалась с ними всю жизнь, вместе была в ссылке, в эмиграции, в 1905 г. приехала в Россию и вновь эмигрировала.

В эмиграции одним из лучших видов отдыха Владимир Ильич считал прогулки. На прогулках он был неутомим. Одна из них мне особенно запомнилась. Это было летом 1904 года. Я должна была вернуться в Россию, и мы решили на прощанье совершить совместную прогулку в горы. Отправились Владимир Ильич, Надежда Константиновна и я. Доехали на пароходе до Монте. Побывали в темнице Бонивара, мрачном Шильонском замке, так красочно описанном Байроном. Когда вышли из мрачного склепа, сразу ослепли от яркого солнца и буйной, ликующей природы. Захотелось движения. Стали подниматься на гору Дан-дю-Миди со снежной вершиной, упирающейся в голубое небо.

Сначала подъем был легкий и приятен, но чем дальше, тем дорога становилась труднее. Было решено, что Надежда Константиновна останется ждать нас в гостинице, а мы попытаемся добраться до одной из вершин горы. Чтобы ускорить подъем, мы свернули с дороги и пошли напрямик. С каждым шагом становилось труднее карабкаться. Владимир Ильич шагал бодро и уверенно, посмеиваясь над моими усилиями не отстать. Дорога становится труднее. Наконец, добрались. Усаживаемся на самой высокой точке. Ландшафт беспредельный, неопишущая игра красок. Перед нами, как на ладони, все пояса, все климаты: нестерпимо ярко сияет снег; несколько ниже — растения севера, а дальше — сочные альпийские луга и буйная растительность юга. Я настраиваюсь на высокий стиль и уже готова начать декламировать Шекспира, Байрона. Смотрю на Владимира Ильича: он сидит, крепко задумавшись, и вдруг выпаливает: «А здорово гадят меньшевики!» Отправляясь на прогулку, мы условились не говорить о меньшевиках, чтобы «не портить пейзажа». Владимир Ильич шел, был весел и жизнерадостен и, очевидно, выбросил из головы всех меньшевиков и бундовцев, но вот он на минутку присел, и мысль зароботала в обычном порядке.

Из этой прогулки удержалась в памяти еще одна трогательная подробность. Мы наткнулись на целое поле нарциссов. Владимир Ильич

стал энергично собирать цветы для Надежды Константиновны. «Надюша любит цветы», — сказал он и с юношеской ловкостью и быстротой моментально собрал целую охапку.

В 1904 г. я получила задание участвовать в подготовке к III съезду партии и поехала в Россию. Но мне не повезло. На границе я была арестована.

Уже в тюрьме, перед самым началом первой русской революции, я получила от Владимира Ильича письмо, которое ярко свидетельствовало о его боевом настроении, несокрушимой энергии, уверенности в торжестве нашего дела, подлинном оптимизме. Оно было написано 24 декабря 1904 г., незадолго до созыва III съезда партии. «У нас, — писал Ленин, — теперь подъем духа и заняты все страшно: вчера вышло объявление об издании нашей газеты «Вперед». Все большинство ликует и ободрено, как никогда. Наконец-то порвали эту поганую склоку и заработаем дружно вместе с теми, кто хочет работать, а не скандалить! Группа литераторов подобралась хорошая, есть свежие силы, деньжонок мало, но вскоре должны быть. Центральный Комитет, предавший нас, потерял всякий кредит, кооптировал (подло — тайком) меньшевиков и мечется в борьбе против съезда. Комитеты большинства объединяются, выбрали уже бюро, и теперь орган объединит их вполне. Ура! Не падайте духом, теперь мы все оживаем и оживем. Так или иначе, немножко раньше или немножко позже надеемся непременно и Вас увидеть. Черкните о своем здоровье и, главное, будьте бодры; помните, что мы с Вами еще не так стары, — все еще впереди»¹.

Просидев в тюрьме до августа 1905 г., я была сослана в Архангельскую губернию. С дороги бежала и в конце сентября была в Петербурге.

В центре всей работы партии была тогда подготовка к вооруженному восстанию. На заводах и фабриках создавались боевые группы. Рабочие запасались оружием, обучались стрельбе, учились делать бомбы, изучали тактику уличных боев. Вопрос о вооружении рабочих стал наиболее насущным.

Лозунг вооруженного восстания горячо одобрялся передовыми рабочими. Они помнили январские дни, расстрел безоружных рабочих, требовали оружия у партии и Совета рабочих депутатов и, как могли, вооружались сами. Идея вооруженного восстания последовательно проводилась только большевиками. Меньшевики боролись против этой идеи, опровергали ее, считая высшей формой борьбы рабочего класса забастовку и демонстрацию. Влияние большевиков на рабочий класс усиливалось. Петербургский комитет большевиков широко развернул работу в массах.

Большевики боролись против меньшевистской тактики на всех боевых участках, будь это Совет рабочих депутатов, профессиональный союз, рабочее собрание, боевая группа. Считая, что массовые организации должны находиться под идейным и практическим руководством партии, большевики разъясняли рабочим, что победа возможна только в том случае, если пролетариат объединен общностью программы и тактики и ведет борьбу под руководством партии.

С огромным нетерпением мы ждали приезда в Россию Ленина. Наконец, он приехал и в тот же день пришел на заседание Петербургского комитета. Он понял и нашу горячность и наше революционное настроение, готовность к борьбе, но сразу увидел и нашу неопытность, неумение по-настоящему организовать работу, осудил нашу заседательскую суету и здорово выругал нас за то, что во главе Совета рабочих депутатов стали меньшевики. Наша борьба за Советы с приездом Ленина развернулась

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 34, стр. 241.

по-настоящему. Ленин ко всему внимательно прислушивался и приглядывался, но особенный и исключительный интерес он проявил к Советам рабочих депутатов. Эта новая форма организации рабочих масс тогда же, в 1905 г., была высоко оценена им.

В первые дни после приезда в Петербург Ленин подробно расспрашивал о нашей работе, о связях большевиков в рабочих районах, о запросах рабочих, о нашей борьбе с меньшевиками и эсерами. Он детально знакомился с работой по вооружению рабочих, по подготовке боевых дружин, стараясь не упустить ни одной подробности, интересовался, умеем ли мы сами стрелять, тренируемся ли, как идет изготовление бомб, взрывчатых снарядов. Он предлагал взять на учет все арсеналы, оружейные магазины, развернуть работу среди солдат, выделив для этого наиболее подготовленных товарищей, умевших подойти к массам. Большое значение Владимир Ильич придавал работе среди крестьян. Была создана комиссия для работы в деревне. Мы посылали агитаторов в деревни для завязывания связей с крестьянами.

Ленин не пропускал почти ни одного заседания Петербургского комитета партии и требовал от каждого из нас подробного отчета о проделанной работе, подвергая критике всякое упущение, неверно понятое решение партии. Ленин пробуждал не только наше политическое сознание, но и чуткость, без которой бесплодна любая политическая деятельность.

Как-то я пожаловалась на то, что жены рабочих не всегда хорошо встречают нас, а порой откровенно дают понять, что наши посещения им не по душе. Тогда Ленин стал настойчиво расспрашивать, как мы себя ведем, когда приходим в семью рабочего. Пришлось признаться, что мы мало обращаем внимания на быт и обстановку домашней жизни рабочего, выказываем иногда нетерпение, если дети поднимают шум и мешают нашей беседе. Ох, и досталось же нам от Ленина! «Да я бы на месте этих жен вытурил бы вас из квартиры», — сказал он. — Да подумали ли вы о том, как тяжела жизнь этих женщин, обремененных работой на заводе, домашними делами, возней с детьми и беспокойством о судьбе мужа, если он попадет в тюрьму? Ведь надо все это понять по-настоящему и найти нужные слова и поступки, чтобы расположить к себе этих обремененных трудом и заботой о семье жен рабочих, живущих в крайней нищете и вечном страхе за мужа. Приходило ли вам в голову предложить свои услуги женам рабочих, если вы видите, как они мечутся между кормежкой детей, стиркой белья и другими домашними делами, не успевая сами ни поесть, ни присесть на минутку, чтобы перевести дух?»

Вспоминаю выступление Ленина на заседании Исполнительного комитета Петербургского Совета рабочих депутатов 13 ноября 1905 года. Это было в день, когда правительство объявило локаут и сто тысяч рабочих были выброшены на улицу.

Как жалки были выступления по этому поводу Троцкого, Мартова и других лидеров меньшевиков! Какая растерянность, какое ничтожное содержание пустозвонной речи Балалайкина-Троцкого, прятавшего свое бессилие за громкими бессодержательными фразами! Какое капитулянтское настроение! Троцкий предлагал вступить в переговоры с военным министром и предпринимателями об условиях открытия заводов.

И вот выступил Ленин. Весь зал насторожился и затих. Повяло воздухом революции, точно раздвинулись тесные залы заседания. Перед нами открылись огромные перспективы. Ленин вскрыл истинную суть тактики правительства, которое стремилось локаутом нанести решающий удар по рабочему классу, по революции. Правительство, говорил Ленин, надеется сломить дух рабочих угрозой голода, смирить их или вызвать на немедленное выступление и раздавить силой оружия. Ленин предлагал не поддаваться на провокацию, не принимать боя в невыгодных условиях, а начать усиленную подготовку к объединению всех революционных сил.

Он говорил, что нужно не просить, не договариваться, а требовать открытия заводов и в случае отказа призвать всех к всеобщей забастовке и другим решительным мерам борьбы. Надо готовить силы для всеобщего наступления и принять бой, когда он будет выгоден революции, восставшему народу, а не правительству. Для осуществления плана подготовки восстания Ленин предлагал немедленно связаться с рабочими других городов, с железнодорожным, почтово-телеграфным, крестьянским и другими союзами, с армией и флотом.

Выступление Ленина воодушевило всех собравшихся. Ясный план и программа действий для дальнейшего развития революции вызвали в зале гул одобрения, превратившийся в бурную овацию. Предложенная Лениным резолюция была принята единодушно, под несмолкаемый гром аплодисментов, под восторженные крики.

Никогда не забыть выражения лиц рабочих, слушавших Ленина. На лицах радостный восторг, который охватывает всех и роднит с Лениным всю аудиторию. Незнакомый угрюмый товарищ, стоящий рядом с тобой, вдруг весь меняется, лицо расплывается в радостную улыбку, глаза загораются. Угрюмый человек становится вдруг общительным, проникается пафосом борьбы.

Мне пришлось быть на некоторых рабочих собраниях, на которых тогда выступал Ленин. Рабочие слушали его с неослабным вниманием, с какой-то жадностью. Он говорил о программе и тактике большевиков, давал анализ событий, характеристику отдельных партий, разъяснял классовый характер революции, беспощадно критиковал меньшевиков, эсеров, кадетов. Один рабочий корил меня: «Эх вы, научились бы, как Ленин, объяснять свою программу, небось, ни одного рабочего не одурачили бы меньшевики. Ведь вот как все у него ладно и правильно выходит!»

Хотя разногласия с меньшевиками со времени II съезда усилились, все же вопрос об объединении с ними стал в порядок дня. Владимир Ильич не возражал против объединения, хотя лучше всех нас понимал, насколько это объединение непрочное. На местах объединение фактически началось раньше, чем об этом решили в центре. Помню, как-то утром я была у «Дяденьки» (Лидия Михайловна Книпович). Говорили с Владимиром Ильичем о слиянии. Лидия Михайловна была твердокаменной большевичкой и слышать не хотела о том, что можно поднимать вопрос о слиянии без решения съезда. «Да как же устраивать съезд, когда сейчас железнодорожная забастовка!» — кричу я ей истошным голосом (она была глуховата). «Все равно не имеете права, ждите съезда». «Да какой вам съезд, когда государство рушится, троны трещат!» — кричу я во все горло. Владимир Ильич слушает, как мы петушимся, и хохочет. Он не возражал против объединения, но говорил, что при объединении нужно обязательно сохранить большевистское ядро.

После разгона 1-й Государственной думы Московский комитет партии послал меня за директивами к Ленину, который жил тогда в Финляндии на какой-то нелепой даче, носившей название «Ваза» и похожей на узкий и длинный чердак. Я подробно рассказала Ленину о настроениях в Москве после разгрома декабрьского восстания, об упадочных настроениях среди интеллигенции и некоторой части рабочих, о том, что революция, видимо, идет на убыль, что реакция поднимает голову, начинаются репрессии, что понемногу работа суживается. Владимир Ильич слушал внимательно, и мне показалось, как-то недовольно и отчужденно. «Что бы вы там ни говорили, надо не ныть, а действовать», — сказал он.

Владимир Ильич был полон новыми планами, готовился к очередному съезду партии, кипел энергией. Его не обескуражила неудача первого опыта революции, он предлагал извлечь из этого урок для дальнейшей борьбы рабочего класса.